

УДК. 82.09-1

DOI: 10.26456/vtfilol/2026.1.041

НАСЛЕДИЕ А.Т. ТВАРДОВСКОГО В ЖАНРОВОЙ СИСТЕМЕ РУССКОЙ ПОЭМЫ 1980-х ГОДОВ

С. Ю. Николаева, В. А. Редькин

Тверской государственный университет, г. Тверь

В статье рассматриваются различные пути освоения и способы воплощения традиций А. Т. Твардовского в русской поэме 1980-х гг. В творчестве поэтов данной эпохи наследие А. Твардовского служит «точкой опоры» при осмыслении действительности, при попытках охарактеризовать современное состояние русского национального характера и русского бытия. Поэмы Е. Исаева, А. Преловского, И. Григорьева, С. Видулова, С. Куняева, О. Шестинского и др. обнаруживают жанровую, стилевую и интонационную близость по отношению к произведениям А. Твардовского. Значимость традиций А. Твардовского для развития русской поэмы 1980-х гг. трудно переоценить. Эти традиции определяют и идейно-содержательные, и художественно-эстетические искания поэтов нового поколения, которые стремятся на излете советской эпохи запечатлеть и сохранить с помощью жанровых возможностей поэмы целостность русского мира.

Ключевые слова: *А. Твардовский, традиция, русская поэзия 1980-х гг., эстетический идеал, жанр, жанровая система, поэма, лиро-эпос, стиль, национальный характер, лирическое «я»*

Развитие жанра поэмы в русской литературе XX–XXI вв. остается в центре внимания литературоведов, исследующих вопрос о том, как связан процесс трансформации, эволюции разных видов поэмы с ее всеохватностью, универсальностью с одной стороны и развитием человеческой культуры, цивилизации, национального мира – с другой. Жанровая система поэмы позволяет решать масштабные художественные задачи в различных культурных контекстах, устанавливать «связь с национальными корнями» [2, с. 26] тех или иных явлений, событий, идей, личностей.

В поэме 1980-х годов можно явно увидеть развитие жанровой системы в сторону многовариативности, разнонаправленности и в то же время синтеза жанровых традиций [12; 14; 15]. В стилевом плане это поэма конкретно-реалистическая, романтическая и т.д., в плане традиции – это лиро-эпос типа поэмы Некрасова, Блока, Маяковского, Есенина, Цветаевой, в отношении пафоса – трагическая, сатирическая, ироническая, по композиционной структуре – сюжетная,

© Николаева С. Ю., Редькин В. А., 2026

ассоциативно-метафорическая и др. Ни одна из возможных граней жанрового развития не исчезает. Напротив, идет интенсивный поиск новых форм, «появляются все новые её <поэмы> разновидности, обусловленные и оправданные как внутренними законами развития жанра, так и требованиями самой жизни» [11, с. 62].

В жанровой системе русской поэмы 1980-х гг. особую роль, наряду с традициями Блока, Некрасова и Маяковского [12; 13; 15], играет наследие А. Твардовского, который достиг вершин и в эпической, и в лирической поэзии. Но лиризм А. Твардовского особый, это, по выражению исследователей, «лиризм эпохи», когда поэт, «говоря как бы о себе и от себя, ведет, в сущности, речь чуть ли не от имени народа, его глазами оглядывает прошлое и настоящее и его умом обдумывает, что было, есть и что должно быть или будет» [7, с. 215]. В его лирике видят элементы романа [3, с. 256], считают «драгоценным свойством поэзии Твардовского – всеобщность» [10, с. 54]. Его «тончайший луч словесный» сравнивают с «мощным лазером» [8, с. 58].

Там, где поставил, нет, только собирался поставить точку А. Твардовский, начинается Е. Исаев, прямой его наследник и продолжатель. Характерно воспоминание: Твардовский на вопрос о том, какое впечатление на него произвел опубликованный в газете отрывок из поэмы «Суд памяти», ответил: «Прочитал. Мне понравилось. Но есть Твардовский» [5, с. 211]. Как бы ни трактовать этот ответ, можно с уверенностью говорить, что поэт уловил жанровую, стилевую и интонационную близость произведений Е. Исаева по отношению к своим поэмам.

Напечатанные первоначально в «Правде» поэмы Егора Исаева «Двадцать пятый час» (1984), «Мои осенние поля» (1984) и «Убил охотник журавля» (1985) явно продолжают начатый ранее «Судом памяти» и «Далью памяти» поэтический рассказ о нашей эпохе: войне и мире, исторической памяти, нравственном долге, совести о трудовом подвиге народа. Память минувшей войны остается одной из центральных тем советской поэмы Е. Исаева и В. Соколова, С. Викулова и В. Жукова, И. Ляпина и В. Кожемякина, Р. Рождественского и Е. Винокурова и многих других.

Можно предположить, что новые поэмы Е. Исаева – это главы произведения, заключающего цикл, эпиграфом к которому могут служить слова А. Твардовского: «Там память горя велика, / Глухая память боли. / Она не стихнет, пока / Не выскажется вволю» [19, с. 10].

В этих поэмах создается, как выразился сам автор, «особая мистическая реальность», своеобразная реалистическая условность, к которой не раз прибегал А. Твардовский. Неважно, «явь ли это – сон», главное то, что картины, созданные поэтом, – это выражение сути, квинтэссенции самых жизненных реалий, самых подлинных, глубинных связей времен (мир предвоенного счастливого труда, война, современность, возмож-

ность будущего существования земли) и пространств (родное поле, Германия, Америка).

Е. Исаев создает образ героя огромной емкости, близкий по своему принципу собирательности образу Василия Теркина. Это цельная эпическая личность, выражающая, как говорил Гегель, «дух нации». Это солдат, «в одном лице – отец и сын, В одном лице жених и муж, / В одном родстве на весь Союз». И хотя в отличие от Василия Теркина образ приобретает монументальный характер («...Вечной памяти солдат, / из бронзы с головы до пят»), он рождается на общей типологической основе: реальной жизни, народного героического эпоса и сказки. Образ героя подчас гиперболизируется, приобретает символическое значение, черты всеобщности: «Пришел и встал, неколебим. / На самый высший в мире пост, / Лицом и подвигом – до звезд». Но Исаев рисует не плакатный символ, а с психологической и бытовой достоверностью создает реалистический характер с присущим ему богатым духовным миром, подлинно человеческими переживаниями. Здесь и глубокая привязанность к родному дому, и корневая связь с землей, и чуткое, ласковое отношение к ребенку, и «телесная жажда жить», любить. Это воин по необходимости, а в душе пахарь, косец, семьянин: «...Не мог / Он не пойти домой к себе, / Чтоб там размяться на косьбе. / Чтоб там во сне, как наяву, / Обнять жену свою – вдову...».

Коренные проблемы эпохи переданы Е. Исаевым через лирическое сознание человека, масштабно мыслящего и чувствующего. Его концепция мира и человека является «эпопейной».

То же можно сказать о поэмах А. Преловского, его «своде» «Вековая дорога» (1981) и поэме «Послевоенная история». По словам поэта, он написал их так, «как завещалось Смеляковым и Твардовским» [16].

Конечно, эпохальное мышление было свойственно В. Маяковскому, А. Блоку, С. Есенину, В. Луговскому, и А. Преловский не проходит мимо их творческого опыта. Так, с одной стороны, у него ясно различимы ораторские интонации, он расставляет четкие акценты, живо передает ощущение революционности самого времени, с другой – поэтизирует и защищает природу, утверждает свою приверженность традициям национальной культуры.

А. Твардовский сетовал, что Сибири пока недостает «мощной песни новой», и, хотя мечтал вложить в эту песню и свою строку, ждал ее прежде всего от тех, кому Сибирь была б «землей родимой», такой же, как ему самому «отчий край смоленский», родное Загорье. Именно таким поэтом и стал А. Преловский, который о родном крае пишет с позиции не «извне», а «изнутри». Необычные для европейского слуха наименования: Улькан, Нерюнгри, Листвянка, Тында, Бодайбо – для него не экзотика, а земля, где он родился, жил, работал, строил, дружил, любил.

С этим связана трансформация некоторых образов и мотивов. Мысль Твардовского, развернутая в главе «Москва в пути»: «Где мы с тобой, там и Москва...», – у Преловского становится как бы реальностью: «В Сибири города – послы Москвы, ее гонцы в приближенные дали...». Более того, поэт поворачивает эту мысль иной стороной: «Я и в Москве остался сибиряк...».

В поэмах А. Преловского передан динамизм жизни, поэтический текст насыщен современной лексикой, рисуется масштабная картина все-сибирской стройки с ее кранами, вертолетами, вездеходами, бульдозерами и путеукладчиками. Но традиция народного образного мышления остается близкой Твардовскому. Не случайно и у него машина ассоциируется с конем: «И машинист, дав шпоры самоходу, / как бы коню, кивает головой / от каждого рывка».

Найденная Твардовским сюжетно-композиционная структура, в основе которой лежит хронотоп дороги, позволяет владеть материалом, быть внутренне свободным во взаимоотношениях с героем и читателем и Е. Исаеву, и А. Преловскому, и В. Устинову в цикле поэм «Большак», и Е. Винокурову в поэме «На запад» и мн.др. В то же время в поэтике Преловского постепенно усиливается роль ассоциативности, а В. Устинов в поэме «Вертоград» (1984) обращается к использованию мифологических форм.

А. Преловский подхватывает сатирический пафос Твардовского, направленный против бюрократов и чинуш, воссоздает тип антинародного руководителя, с особой «вкрадчивой походкой, с не по-сибирски сладким говорком и с нарочито русскою бородкой», на лице которого лежит «печать бездумной шустрости». Однако подняться до уровня понимания порочности всей сложившейся государственной системы, к чему шел Твардовский, не смогли ни Исаев, ни Преловский. При всей тематической и структурной близости поэм А. Преловского и В. Устинова эпосу Твардовского им не хватает многомерности изображения мира, понимания ущербности сложившейся социальной системы, предвидения опасных тенденций общественного развития, внутреннего сопротивления официально-вульгарным классовым теориям и т.д. Хорошо сказал А. Солженицын о поэме А. Твардовского «Василий Теркин»: «Не имея свободы сказать полную правду о войне, Твардовский останавливался, однако, перед всякой ложью на последнем миллиметре, нигде этого миллиметра не переступая, нигде!» [18, с. 14].

Ярким примером сюжетно-повествовательной поэмы в русле традиций Твардовского стало новое произведение С. Викулова «Костры на ветру» (1985), где поэт ведёт неторопливый рассказ о самых насущных проблемах народной жизни, часто предоставляя слово самим героям – людям труда, тем, кто болеет душой за Отечество, стремится докопаться до «ви-

руса», разъединяющего наше общество. По мнению критики, С. Викулов прорывается к высотам «труднейшего симфонического жанра» [17, с. 197].

Эту же линию развития продолжает жуткая картина уничтожения русской деревни, которую рисует в большой сюжетно-повествовательной поэме «Вьюга» псковский поэт И. Григорьев. В структуре поэмы он идет вслед за Твардовским и Викуловым, но окончательно избавляется от утверждения должного и обязательных оптимистических акцентов. Честно говоря, поэт не видит конкретного пути к спасению. В поэме такого типа особенно привлекательны голоса простых мужиков и баб, с их чуждым лжи словом. И если поэту удалось его услышать, понять, не исказить, то уже это определенное достоинство, несмотря на затянутость и рыхлость композиции и другие художественные просчеты. Вот оно, народное мнение о «неперспективной» деревне, в котором и боль, и привычка терпеть, и надежда, и вера:

Крушил чужак. А тут – свои.
Свои! Вконец не одолеют.
Ты думку, что ж еще, таи:
Порушат власть и пожалеют [1, с. 20].

Теперь это воспринимается как голос Руси в отношении всей «перестройки». Вот они, задумки возрождения и воскресения после «планов громадья»: «Начнем с венца, скита, деревни...». Трагическая судьба героини поэмы «великомученицы» Анны – это судьба самой России.

Невыносимо трудная жизнь послевоенной деревни изображена в поэме А. Романова «Черный хлеб». Поэт уделяет значительное внимание колоритному северному быту, обычаям, но в центре внимания острый социальный конфликт. Тот же аспект, при всей задушевности решения темы («Свет моя, деревня...»), в поэме В. Волкова «Петухи». Впрочем, этот автор, решая острейшую проблему, не находит ничего иного, как еще раз призвать город помочь селу.

В 1980-е гг. у многих русских поэтов (С. Викулов, Г. Серебряков, С. Куняев и др.) повышается интенсивность национального чувства. Однако иногда это приводит к утрированной патетике в духе квасного патриотизма («Кринки – это русские амфоры рынков», – восклицает Зиновьев). Спокойствие и удалство, широта души и внутренняя сила («Таких, как в игрище, в бои толкает дух бойцовый») отличают героя поэмы Ю. Гордиенко «Последний батальон» (1985). Это богатырь, похожий на Илью Муромца с картины Васнецова, и здесь есть элемент стилизации и нарочитой простонародности («– Не взять вам верха ни хрена, хотя и нам хреново...»).

В 1980-е годы достоянием многих поэтов становится непринужденная манера повествования, насыщенный сказовыми формами и

устными речевыми оборотами стиль. Живая повествовательная интонация рассказывания, беседы, прямые обращения к читателю, размышления вслух воспринимаются как продолжение традиции Твардовского у Е. Исаева и у С. Викулова, у В. Устинова и у А. Маркова, у И. Ляпина и многих других. Они же и развивают эту традицию. Интонация беседы с читателем у Исаева преобразуется в особую разговорную интонацию, связывающую в единое целое и авторскую речь, и речь персонажа.

А мы-то,
Мы-то
Тем и знамениты,
Что мы – первостатейно знатоки.
Мы –
Ковали от первой наковальни,
Мы –
Плугари от первой борозды [4, с. 55].

И эта находка подхвачена и освоена Преловским: «А мы-то, мы-то, строя наше чудо / на Ангаре, что знали мы тогда? / Куда шагаем?...» «Вопрос-ответ» – характерный прием поэтического стиля А. Твардовского: «Теркин – кто же он такой? Скажем откровенно: Просто парень сам собой Он обыкновенный». Е. Исаев широко использует подобную форму повествования: «А что дорога? Ясно, что дорога...», «А что Назар? Назар... не возражал», «А было как? А было...» и т.д.

Ряд авторов этой эпохи обращается к поэтическому сказу как к жанровой форме поэмы. Заслуживает внимания в этом плане поэма С. Викулова «Исповедь» (1980), написанная от лица русской полонянки. Интерес представляет поэма П. Булушева «Гудел набат» (1984), построенная как монолог пожилого инвалида о блокадном Ленинграде.

Оригинальный путь беседы с читателем о проблемах творчества нашел В. Гончаров в поэме «Выставка» (1984). Не случайны обращения к читателю у А. Преловского: «Читатель мой, занятого сюжета ты не ищи в писаниях моих», «И проведу тебя, читатель мой, то ближней трассой, то тропой далекой...», «Читатель мой, пойдем в нескорый путь...», «Читатель мой, мы чтеньем и судьбою посильно постигали даль и ширь и прикасались к вечности с тобой, и имя этой вечности: “Сибирь!”» В. Кожемякин в поэме «Старая ветла» обсуждает с читателем то, как дальше продолжать поэму: «Читатель мой!.. Я слышу твой совет толковый...». Близкие отношения с читателем и у А. Маркова: «Читатель – брат, прощу прощенья: водоворот меня увлек», «Читатель, наберись терпенья, к Рылееву еще вернусь...» и т.д.

Поэма 1980-х гг. широко использует получившие новое содержательное наполнение в искусстве XX века образы-символы земли и воды,

дома и дороги, стены и пропасти, манекена и крысы и т.д. Вслед за А. Твардовским у ряда писателей дом становится символом духовной связи людей, близости и тепла человеческих взаимоотношений. Социально-нравственное и социально-философское содержание этого образа продолжает развиваться в романе Ф. Абрамова «Дом», в поэме Ю. Кузнецова «Дом», в поэме В. Сорокина «Дом» и т. д. Е. Исаев «Даль памяти» оканчивает призывом к возвращению к себе, к своему дому не столько в пространственном, сколько в нравственном смысле этого слова: «Ах, как относит память далеко! – Домой!.. Домой!.. – А я всю жизнь из дому». Красавец-терем строит мастер своего дела в поэме И. Ляпина «Черный снег». При этом не для себя, а для всех, кто любит родную природу. В поэмах А. Преловского возникает образ дома у дороги, дома у магистрали: дома – семьи, дома – традиции, дома – основы жизни. «...А на крутом бугре, подальше, гордо поднял крышу старинной рубки шестистенный дом», за столом «пять ребятишек. Плотная семья», – так заканчивает историю жизни одного из своих героев – «старовера» – поэт. При этом он прямо указывает на символический смысл образа: «Не о домах я – о душе забочусь...».

Утрата дома, родины – это потеря себя, собственной души – так истолковывает этот образ в поэме «Старая ветла» (1980) Кожемякин. Овеществляя душу дома, поэт утверждает духовную основу стойкости Руси: «Не раз с Россией так бывало, что выгорала до печей, и лишь по трудам узнавала свои дома она – где чей?» Сожжена и разорена была страна, но сохранились и закалились русские души, и появились новые просторные дома. От старого мира остались только ветла с полуобугленным стволом. Под пером поэта она превращается в символ мужества и стойкости, становится свидетелем прошлого и настоящего. Лирический голос автора несет мощный заряд своего отношения к тем, кто приспособился жить без родины в сердце, без России: «Не те страшны, что обрусели. Что обзрусели, Страшны» [6, с. 127].

Плодотворность развития традиции реалистической сюжетно-повествовательной поэмы А. Твардовского подтверждают поэмы И. Ляпина, в частности, «Черный снег» (1984). Внешне это непримечательная история о том, как лирический герой – журналист познакомился на Оке с речниками. У этих простых тружеников свои заботы, свои радости и печали. По ходу развития сюжета в колоритных бытовых сценах раскрываются их характеры, постепенно включаясь в контекст большой истории.

Память войны позволяет заострить конфликт эпохи: столкновение подлинно гуманных, нравственных начал и сил зла, угрожающих жизни человека. Ляпин, ощущая себя полпредом советского народа, вправе заявить: «В моей стране народ незлобный, но кое с чем в ней счет особый – намеки на свастику любой снесли бы вместе со стеной». Детали семейного быта, поэтизация повседневных забот, труда и отдыха, размеренной

жизни речников и столичной суеты оказываются той прочной жизненной почвой, на которой возникают широкие обобщения. «Весь этот мир – от недр до облаков – с младенцами, кричащими надрывно, с влюбленными, глядящими наивно, и с мудростью сердечной стариков», живет одной надеждой – не допустить войну.

Поэма 1980-х гг. вслед за Твардовским мучительно ищет образ, способный воплотить диалектику противоборства добра и зла, соединяющий национальные судьбы народа, государства и конкретной личности, историю и современность, прошлое и настоящее в жизни лирического героя. И поиски эти не безрезультатны. Вспомним поэмы Е. Исаева, «Проданную Венеру» и «Седьмое небо» В. Федорова, «Конька на крыше» и «Против неба на земле» С. Викулова. Значительным явлением современной литературы стала поэма В. Соколова «Александровский сад» (1984), о синтезе жанровых традиций которой мы говорили выше. Александровский сад, откуда сорок с лишним лет назад поднимались в небо заградительные аэроостаты, где покоится прах неизвестного солдата и вечно пылает огонь на его могиле, где возвышаются стены древнего Кремля и по вечерам встречаются влюбленные, видимо, является подлинным открытием такого образа-символа во всей глубине его многозначности. В. Соколов не уклоняется от постановки самых сложных социально-нравственных проблем нашего времени. Трагизм в поэме В. Соколова не исчерпывается интимными переживаниями, но, видимо, связан и с лирическим восприятием крутых поворотов истории («Чей свет померк, зари или заката? Куда исчезли все поводыри? – Все указатели?»), с великой трагедией Отечественной войны. Увековечивая образ неизмеримого страдания. Его символизируют застывшая фигура из черного мрамора матери неизвестного солдата, обращенные к ней от имени павшего сына слова: «Я плотью был, но стал я прахом, я прахом был, но стал огнем. Я на тебя гляжу со страхом. Ты каменеешь с каждым днем». Мать неизвестного солдата – Родина, и поэт явно ощущает, что она перестает быть живой.

В. Соколов не торопится заявлять о проблемах истории, они войдут в поэму незаметно, через личное, биографическое, через лирический пейзаж и интимное чувство: «Александровский сад в сорок... в прошлом году то в снегу, то в цвету, то в листве, то во льду!» Эти строки задают тон всей поэме. Ведь это строки не только о судьбе лирического героя, но и об исторической участи страны, ибо значимо само место действия.

Думается, пока недооценено влияние на русскую поэму ассоциативно-метафорических структур, найденных Б. Пастернаком. А. И. Чагин, например, справедливо подчеркивает, что метафора «по своей природе есть преодоление некой разъединенности, и именно таким виртуозным преодолением разъединенности души и мира была тогда в сущности вся

лирика Б. Пастернака» [20, с. 225]. Отсюда влияние его на В. Соколова, утверждающего в своих стихах слияние души и мира.

Для поэм В. Соколова, как и русской поэмы вообще, характерен автобиографизм. Личная жизнь берется в ее социальном аспекте – это этапы биографии страны, всего поколения.

Личная родословная, семья, отец и мать в поэзии А. Твардовского – это корневая система, связывающая его с народной почвой. Вспоминает своих предков, казака и священнослужителя, А. Преловский, чтобы подчеркнуть борьбу двух противоположных устремлений в своей душе, отражающих противоречивость нашего времени; Е. Исаев описается на свою генеалогию в воззрениях на нравственно-эстетические идеалы трудового крестьянства, В. Устинов и И. Ляпин – в стремлении подчеркнуть богатство духовного наследия прошлого.

В попытках избавиться от ложной патетики закономерно желание поэтов 1980-х гг. поднять образ матери до уровня эпического героя, в судьбе которого отражается жизнь народа, подчеркнуть судьбоносность для нации повышение общественной роли женщины. Удачны в этом отношении поэмы А. Маркова «Мать», О. Шестинского «Родина – человеку», «Поле», В. Карпенко «Материнское напутствие», А. Землянского «Женщины», И. Савельева «Мария», Е. Вишневского «Лирический репортаж» и др.

«Не у памятника-обелиска / и не на могильной черте – / среди жизни кланяюсь низко, / мать, духовной твоей красоте» [21, с. 81], – обращается О. Шестинский к матери – простой крестьянке, старой солдатке, на ком держалась и держится русская земля.

В поэме 1980-х годов заметны отказ от мнимых ценностей, поэтизации импульсивных, сиюминутных чувств и настроений, возвращение к нравственной позиции традиционной национальной русской культуры. Так, если В. Костров в поэме «Сокольники» (1976) поэтизирует «чувства плоть», то в маленькой поэме «Кукушка» (1984) поднимает один из важнейших нравственных вопросов нашего времени – укрепление семьи. Мать, защищающая свое дитя с топором в руках против разъяренной медведицы, и мать, как кукушка, бросившая своего ребенка, – вот нравственные полюсы явления, которое исследует поэт. «Кукушничество» под его пером становится символом разрушающего законы природы эгоизма.

Нравственные ценности утверждает А. Вершинский в поэме «Высокий свод» (1984), где есть замечательные строки о женщине – хранительнице основ нашей жизни: «Я перед вашей судьбою склоняю голову свою: вы прикрываете собою передний край страны – семью!»

Выход из сковывающих рамок официально-воспевающего эпоса поэты вслед за Твардовским продолжают искать в традициях фольклора. Размах, «былинность» окружающего мира утверждает О. Шестинский,

создавая особый народно-поэтический колорит в поэме «Поле» («черного леса былинность», «весел размашистый почерк», «ладьи новгородские»), необходимый для воссоздания образа Руси. Создает эпическую картину мира с помощью фольклора С. Смирнов: «Вся земля в роскошестве былинном», «Царственно, могуче, нерушимо эпос простирается окрест». Национально-поэтические образы как бы постоянно ощущаются в подсознании С. Смирнова: рыбаки «вышли из-за острова на стрежень», «черный берег, отраженный в Волге, как меч – из русской сказки – кладенец», Волга «в Каспий сабельно течет».

К народной песне обращаются (или тонко, поэтически на нее указывают) С. Викулов, А. Преловский, И. Ляпин и другие. Так, В. Кожемякин, характеризуя русскую песню, тем самым дает оценку ее исполнителям. Звучала традиционная застольная песня: «Пел не старик – не баба пела, а пела русская душа».

Под эту песню не станцуешь,
В ладошки хлопать не начнёшь,
Мультфильма к ней не нарисуешь,
А вот в огонь за ней пойдешь [6, с. 132].

Новые творческие возможности ищут в фольклоре молодые поэты 1980-х гг. Так, М. Кудимова попыталась написать своеобразную повествовательную поэму «в прибаутках». Е. Вишневский на основе легенды о граде Китеже пишет поэму «Озеро Светлояр». Вопреки мнению тех, кто считает анекдоты, частушки, «хохмы», «единственно живым на сей день фольклором», современная поэма широко обращается к живой, развивающейся народной поэзии. Так, А. Преловский в «Вековой дороге» (1981) использует семейные предания, творимую сегодня легенду, современную народную лирическую песню, частушку, народное летучее слово и т.д. Поэт привлекает сохранившийся в народном сознании миф, помогающий утвердить «живую связь людей, тайги и неба». Поэтому важен прежде всего социально-нравственный смысл выраженной в фольклоре народной поэзии. Традиционное поверье о том, что если не выполнить определенный обряд, то убитый зверь будет являться во сне, используется в поэме для развития темы совести.

В эпосе 1980-х гг. открываются необычайно широкие возможности использования фольклорно-сказочного начала. Мотив разговора со смертью в русской поэзии мы встретим не раз. Но сюжет и образы поэмы В. Максимова «То, что минуло» (1983) по своему трагическому пафосу и общезначимости ближе всего картине, нарисованной Твардовским в главе «Смерть и воин». В маленькой поэме В. Максимова рассказывается о том, как Война и Смерть зашли погостить в дом женщин-солдаток. Уже запев переносит нас в сказочный мир, сходный с былинным эпосом:

...вороны черные
 Не за сорок верст летели артелью,
 А за сорок лет назад, где метелью
 В поле без вести пропавшие отпеты.
 Там вольнее. Сажа-копоть жирнее.
 Стон слышнее. А добыча вернее [9, с.43].

Фантастические сцены здесь имеют яркий, вполне реальный выход: «А на скатерти, где гостя сидела, – две оставленные бабам похоронки...» Трагический пафос характерен и для другой поэмы В. Максимова «Открытие России». Здесь развивается тема ностальгии по Родине человека, оказавшегося за ее пределами. Условный прием при этом накладывается на конкретно-реалистический контекст. Солдат как бы слышит голос Родины в преддверии гибели.

Итак, значимость традиций А. Твардовского для развития русской поэмы 1980-х гг. трудно переоценить. Эти традиции определяют и идейно-содержательные, и художественно-эстетические искания поэтов новых поколений, которые стремятся на излете советской эпохи запечатлеть и сохранить с помощью жанровых возможностей поэмы целостность русского мира.

Список литературы

1. Григорьев, И. Вьюга : поэма. Ленинград : Наука, 1990. 96 с.
2. Гудкова, С.П. Особенности репрезентации образа Степана Эрзи в поэме Мордовии второй половины XX века // Вестник угроведения. 2025. Т. 15. № 1 (60). С. 19–28.
3. Дементьев, В.В. Исповедь земли. Слово о российской поэзии. Москва : Современник, 1980. 511 с.
4. Исаев, Е. Даль памяти. Москва : Современник, 1977. 117 с.
5. Исаев, Е. Колокол света. Москва : Правда, 1984. 320 с.
6. Кожемякин, В. Старая ветла // Наш современник. 1980. № 10. С. 127–139.
7. Кондратович, А. Александр Твардовский. Поэзия и личность. Москва : Художественная литература, 1985. 318 с.
8. Лавлинский, Л. Не оставляя линии огня. О лирической поэзии наших дней. Москва : Современник, 1975. 320 с.
9. Максимов, В. То, что минуло... // Аврора. 1983. № 3. С. 43–47.
10. Наровчатова, С. Атлантида рядом с тобой : Критика. Полемика. Размышления. Москва : Современник, 1972. 350 с.
11. Николаева, С.Ю., Редькин, В.А. «Как хороши, как свежи были танки...» (жанровое своеобразие поэмы А.А. Проханова «Алеючий восток») // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2022. № 3 (74). С. 62–78.
12. Николаева, С.Ю., Редькин, В.А. Некрасовская эпическая традиция в русской поэме 1970–1980-х гг. // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2025. № 1. С. 66–75.

13. Николаева, С. Ю., Редькин, В. А. Традиции, А. А. Блока в поэзии Ю. П. Кузнецова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2016. № 1. С. 68–77.
14. Николаева, С. Ю., Редькин, В. А. Фольклорное начало в поэмах Ю. П. Кузнецова 1970-х гг. // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2024. № 3 (82). С. 59–66.
15. Николаева, С. Ю., Редькин, В. А. Эпические традиции В. Маяковского в дилогии Е. Исаева «Суд памяти» и «Даль памяти» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2025. № 3 (86). С. 41–54.
16. Письмо А. Преловского В. А. Редькину от 12.06.92 (личный архив В. А. Редькина).
17. Северьянов, А. Заметки о поэзии С. Викулова // Москва. 1986. № 2. С. 197–199.
18. Солженицын, А. И. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С. 3–57.
19. Твардовский, А. Т. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. Москва: Гослитиздат, 1960. 359 с.
20. Чагин, А. И. Масштабность лирического героя // Социалистический образ жизни и развитие советской литературы. Москва: Наука, 1983. С. 225–234.
21. Шестинский, О. Материк: стихи, поэмы. Москва: Советский писатель, 1985. 110 с.

THE LEGACY OF A. T. TVARDOVSKY IN THE GENRE SYSTEM OF RUSSIAN POEM OF THE 1980s

S. Yu. Nikolaeva, V. A. Redkin

Tver State University, Tver

This article examines various ways of assimilating and embodying the traditions of A. T. Tvardovsky in Russian poetry of the 1980s. In the works of poets of this era, Tvardovsky's legacy serves as a "fulcrum" in understanding reality and in attempts to characterize the contemporary state of the Russian national character and Russian existence. The poems of E. Isaev, A. Prelovsky, I. Grigoriev, S. Vikulov, S. Kunyaev, O. Shestinsky, and others reveal a genre, style, and intonation affinity with the works of A. Tvardovsky. The significance of Tvardovsky's traditions for the development of Russian poetry in the 1980s is difficult to overestimate. These traditions define both the ideological and artistic pursuits of the new generation of poets, who, at the end of the Soviet era, strive to capture and preserve the integrity of the Russian world through the genre possibilities of the poem.

Keywords: *A. Tvardovsky, tradition, Russian poetry of the 1980s, aesthetic ideal, genre, genre system, poem, lyric epic, style, national character, lyrical "I".*

Об авторах:

НИКОЛАЕВА Светлана Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Nikolaeva.SY@tversu.ru.

РЕДЬКИН Валерий Александрович – доктор филологических наук, профессор кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Redkin.VA@tversu.ru.

About the authors:

NIKOLAEVA Svetlana Yurievna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova street, 33), e-mail: Nikolaeva.SY@tversu.ru.

REDKIN Valery Aleksandrovich – Doctor of Philology, Professor at the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova street, 33), e-mail: Redkin.VA@tversu.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.02.2026 г.
Дата подписания в печать: 13.03.2026 г.